

Е.В. РЕУТОВ, М.Н. РЕУТОВА, И.В. ШАВЫРИНА

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕЛИ МОЛОДЕЖИ И СПОСОБЫ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ (по результатам опроса в юго-западном и южных регионах России)

РЕУТОВ Евгений Викторович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы (reutovevg@mail.ru); РЕУТОВА Марина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент той же кафедры (reutova@bsu.edu.ru). Оба – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия; ШАВЫРИНА Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета, Москва, Россия (shavyrina_77@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу ценностных ориентаций молодежи регионов юга и юго-запада России в контексте жизненных целей, способов и условий их реализации. Иерархию ценностных приоритетов молодежи (жизненные цели) возглавляют семья, здоровье и материальный достаток. Самореализация находится на полупериферии ценностной иерархии, служение обществу – на периферии. При этом в качестве факторов жизненного успеха, интерпретируемых как инструментальные ценности (средства достижения), на первый план выходят социальный конформизм (соблюдение норм права, следование нормам морали), профессионализм, наличие хороших друзей и поддержка семьи. Ценности, связанные с социальной ответственностью (гражданская позиция, помощь другим), обладают средней значимостью в иерархии факторов жизненного успеха. Зафиксировано следующее противоречие в ценностной картине мира молодежи: если жизненные цели формулируются в парадигме приватности и традиционализма, то средства их достижения рассматриваются в значительной мере через социальный конформизм и профессионализацию. Наиболее рациональным способом регулирования дисбаланса условий реализации жизненных целей, сложившегося в российском обществе, молодежь считает территориальную, в том числе трансграничную мобильность.

Ключевые слова: молодежь • ценностные ориентации • ценностные противоречия • жизненные цели • жизненный успех • самореализация • приватность • конформизм

DOI: 10.31857/S013216250023772-2

Введение. Нынешнее состояние российского общества характеризуется комплексом разнонаправленных тенденций, отражающихся на уровне его интеграции. Одной из них является актуализация в последние годы межпоколенческого социокультурного разрыва. 2000-е и 2010-е гг. были в целом временем преодоления социальной дезорганизации 1990-х гг., поиска интегрирующих российское общество факторов, хотя и представляли собой крайне неоднородный в данном отношении период. Если в 2000-е гг. процесс консолидации российского общества определялся, с одной стороны, декларируемым политическим руководством преодолением наследия «лихих 90-х», с другой – расширением возможностей консьюмеризма, то в 2010-е гг. данные факторы оказались исчерпаны. Наложившись на изменение внешнеполитической ситуации, это предопределило «патриотический транзит» и использование геополитики в качестве доминирующего инструмента консолидации.

В 2000-е гг. идеи и практики консьюмеризма были восприняты молодежью «на ура», и этим она не отличалась от подавляющего большинства россиян, но «идеологический» механизм консолидации во второй половине 2010-х гг. стал давать сбой. «В активную

жизнь вступило новое поколение, имеющее иной социальный опыт, иное мировоззрение и виды на свою самореализацию в рыночном государстве. Новое поколение более индивидуалистично, в меньшей степени апеллирует к попечительской роли государства и в большей – делает ставку на современные усилия, возможности и способности» [Горшков, Шереги, 2020: 435].

Воспитанная на нормах общества потребления и информационной свободы значительная часть молодёжи мыслит несколько иными категориями, чем старшие поколения, а её жизненные планы и практики диссонируют с модальными. Так, резкое «омоложение» протестного движения в начале 2021 г. поставило в тупик органы власти и администрации образовательных учреждений, заставив искать объяснения этому феномену, причем зачастую наиболее простые и связанные с политической наивностью или корыстолюбием и неразборчивостью в средствах.

Стало очевидным, что конфликт поколений – не социологическая фикция, что молодёжь действительно может являться специфичной в ценностном и поведенческом отношении социальной группой и эта специфика актуализируется в переломные или кризисные периоды развития общества. Обладая в силу сжатия социального времени иным по объёму и характеру интеллектуальным и культурным бэкграундом, нежели старшие поколения, используя, в связи с экспоненциальным развитием технологий, другие средства массовой информации и коммуникации, и, главное, находясь в ситуации, когда неопределённость становится нормой, молодёжь вынуждена методом проб и ошибок искать хотя бы относительно эффективные способы адаптации к мозаичной и нестабильной социальной реальности.

Рассматривая специфику положения молодёжи в «обществе риска», Ю.А. Зубок отмечает, что перманентная неопределённость социальной и жизненной ситуации и необходимость рискованного поведения «деформируют ценности-цели и активизируют ценности-средства, оказывая влияние на социальное развитие молодого поколения» [Зубок, 2003: 50]. При этом с момента данной констатации прошло почти двадцать лет. То «общество риска» не идёт ни в какое сравнение с нынешним, пережившим и продолжающим переживать череду глобальных экономических кризисов, «культуру отмены», пандемию коронавируса, геополитическую турбулентность и пр. В результате жизни в «эпоху перемен» адаптивность приобретает характер базисной ценности, подчиняющей и инструментализирующей все остальные, а жизненные стратегии укорачиваются до предела. И зафиксированные в сознании молодёжи (по крайней мере, в «допандемийный» период) «высокая инерционность базовых оснований культуры и преемственность образцов традиционной культуры в большей степени, нежели можно было бы ожидать» [Зубок, 2020: 25], в настоящее время подвергаются серьёзным испытаниям. Как в любом переломном периоде обостряется конкуренция между двумя механизмами социальной адаптации: консервативным – ментальным дистанцированием от непредсказуемых и дискомфортных социальных трансформаций, и инновационным – признанием необходимости изменения индивидуальной жизненной траектории и, возможно, парадигмы общественного развития.

При этом выбор между стратегиями адаптации к усложняющейся действительности определяется множеством факторов, в том числе сложившимися в массовом и индивидуальном сознании молодёжи представлениями о жизненных ценностях и приоритетах, то есть нормативной моделью жизненного успеха, а также возможностями самореализации, исходя из объёма человеческого и социального капитала, общественных условий, то есть жизненными шансами.

Можно предположить, что доминирование традиционных представлений о жизненных ценностях в сочетании с признанием ограниченности жизненных шансов будет ограничивать стратегии адаптации, направлять их в консервативное русло. Н.Е. Тихонова в качестве основных тенденций общественных трансформаций 2010-х гг. отмечает рост убежденности россиян в том, что личные усилия и стремления человека не являются ключевыми для достижения жизненного успеха и высоких статусных позиций. Гораздо

большую роль играют социальный, экономический и культурный капитал родительской семьи (хотя роль последнего снижается), а также различные неправомерные практики [Тихонова, 2018]. Наши исследования ценностей и установок молодежи российской провинции позволили прийти к выводу, что гиперболизация семейного счастья в качестве критерия жизненного успеха так же, как и распространенность представлений о невозможности добиться в провинции успеха без связей, во многом призвана оправдать пассивные жизненные стратегии [Реутов и др., 2020]. В этом же контексте С.В. Мареева отмечает, что сужение спектра моделей жизненного успеха и способов его достижения, трактовка их исходя из «специфики традиционного понимания жизненного успеха (связанного прежде всего с микромиром и поддержанием "серединного" статус-кво)» субъективно упрощают достижение жизненного успеха [Мареева, 2018: 381].

Цель настоящей статьи состоит в выявлении ценностной иерархии молодежи юга и юго-запада России, характера взаимосвязи ценностей-целей и ценностей-средств в условиях неопределенности.

Методика исследования. Эмпирической основой статьи стали результаты социологического исследования «Трансформация оснований и практик гражданской активности молодежи в условиях фрагментации жизненных миров и виртуализации общества». Опрос проводился в сентябре-октябре 2021 г. в трех субъектах Российской Федерации: Белгородской области, Краснодарском крае и городе федерального значения Севастополе. Объем выборочной совокупности составил 1200 человек (по 400 респондентов в каждом регионе) в возрасте 16–29 лет. Выборка репрезентативна по полу и возрасту в каждом регионе. Обработка и анализ данных осуществлялись в программе Vortex 10, основные методы – линейная и перекрестная группировка данных, корреляционный анализ (коэффициент Крамера).

Ценностная иерархия молодежи: приоритет «приватности». Социологический анализ ценностной структуры общества позволяет более или менее четко определить жизненные приоритеты его представителей, которые, в свою очередь, определяют жизненные стратегии или, по крайней мере, за отсутствием таковых, набор краткосрочных целевых ориентиров и тактик. Во втором случае влияние ценностей становится гораздо более опосредованным, поскольку тактическое мышление, в отличие от стратегического, хотя и ориентируется на ценности, но это уже ценности иного порядка – гораздо более инструментальные и менее связанные с идеалом. В результатах нашего исследования эти ценностные различия хорошо просматриваются.

Ценностная иерархия, построенная на основании ответов молодежи, оказалась довольно типичной: триада ведущих ценностей соответствует консервативно-традиционалистской, приватно-фамилистической модели, социокультурному «ядру» российского общества. Семью, ее благополучие в качестве ключевого жизненного приоритета отметили 60,5% молодых людей, здоровье – 54,8% и деньги, хороший заработок – 36,2%. Иными словами, быть здоровым и богатым, по крайней мере, обеспеченным, не выходя при этом за пределы сильных связей, для большинства молодежи вполне достаточно.

Следующую по значимости тройку приоритетов составляют любовь (20,3%), получение от жизни удовольствия (19,8%), реализация таланта и способностей (17,7%). Здесь просматриваются выход в постматериальность, нацеленность на идеал. Обращает на себя внимание достаточно низкая значимость в структуре жизненных приоритетов реализации своего таланта и способностей, которая, казалось бы, должна быть существенно выше. Это может объясняться прагматическим отношением к жизни российской молодежи, ориентирующим ее в направлении вполне измеримых, а не абстрактных целей и ценностей [Яковлева, 2018].

Далее следуют: свобода, независимость (15,7%), карьера (15,3%), общение с друзьями (11%), покой (8,3%), профессионализм (7,5%), образование (6,1%), власть (4,3%), вера (4,3%). Стремление принести пользу своей стране в качестве жизненной доминанты характерно для 4% опрошенных. Добиться славы хотят 3,7%. Данные по регионам различаются, но незначительно – в рамках статпогрешности, и эти различия не влияют на иерархию жизненных приоритетов (табл. 1).

Таблица 1

Ценностная структура региональной молодежи
(в % от ответов)

Валидные	Значения	Белгородская область	Краснодарский край	Севастополь	Всего
1	Семья, ее благополучие	20,4	21,1	22,3	20,8
2	Здоровье	20,4	17,0	19,1	18,9
3	Деньги, хороший заработок	13,7	11,5	12,1	12,5
4	Любовь	7,8	6,4	8,8	7,0
5	Получать от жизни удовольствие	5,9	6,2	7,5	6,8
6	Реализация своего таланта и способностей	5,3	5,7	7,5	6,1
7	Свобода, независимость от других	5,1	5,2	5,7	5,4
8	Карьера	5,0	5,2	5,7	5,3
9	Друзья, общение	3,6	4,8	2,8	3,8
10	Покой	2,4	3,6	2,3	2,9
11	Стать хорошим специалистом	2,3	3,1	2,1	2,6
12	Хорошее образование	2,2	3,0	1,3	2,1
13	Власть	1,9	1,9	0,8	1,5
14	Вера (религия)	1,8	1,6	0,8	1,5
15	Принести пользу своей стране	1,2	1,5	0,7	1,4
16	Слава, популярность	0,9	1,2	0,7	1,3
17	Затрудняюсь ответить	0,1	0,9	0,0	0,3
Итого		100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Ответ на вопрос: «Что является для вас главным в жизни?». Допускался выбор не более четырех вариантов ответа.

Данная иерархия хорошо иллюстрирует не только приоритеты, но и, с учетом ответов на другие вопросы, позволяет более или менее четко классифицировать ценности по шкале их терминальности/инструментальности. То, что семья, здоровье и материальный достаток находятся сверху иерархии, свидетельствует об их высокой значимости, но не позволяет с большой долей уверенности доказать тезис об их терминальном характере. То, что карьера, профессионализм и образование находятся внизу иерархии, может говорить не столько об их низкой значимости, сколько о доминировании в них инструментального компонента.

Таким образом, это первоначальное, общее представление о ценностной иерархии молодежи может оказаться не вполне адекватным для понимания действий и практик, не вытекающих непосредственно из жизненных приоритетов и стратегий, а подстраивающихся к повседневности.

Факторы жизненного успеха: социальный конформизм и профессионализм. Жизненный успех в его субъективных интерпретациях, скорее всего, важен всем. Различаются интерпретации, но различия, как отмечено выше, вполне укладываются в рамки нескольких моделей иерархии терминальных ценностей. Различны также средства достижения жизненного успеха. Эти средства вполне допустимо отождествить с инструментальными жизненными ценностями.

Таким образом, когда заходит речь о профессионализме, он оказывается не внизу, а практически сверху ценностной иерархии, уступая лишь законопослушанию.

Предложенный перечень факторов достижения жизненного успеха, находящихся в локусе влияния личности и ее непосредственного окружения, выстроился следующим образом:

- соблюдение норм права (в качестве важного и скорее важного условия его отметили 89,3% респондентов);
- следование нормам морали (87,8%);
- профессионализм (86,8%);
- наличие хороших друзей (85,4%);
- поддержка семьи (83,9%);
- готовность помогать другим людям (76,3%);
- деньги, богатство (71,6%);
- наличие и выражение гражданской позиции (69,4%).

В меньшей мере востребованы для этого:

- оригинальность, неординарность (54,4%),
- патриотизм (50,9%),
- групповой конформизм – необходимость «быть, как все, в ближайшем окружении» (27,9%).

Уточнение данной иерархии с учетом веса конкретных позиций на шкале оценок («неуверенным» оценкам придавался коэффициент 0,5, а индекс значимости вычислялся как разница между суммами положительных и отрицательных оценок) повлияло на их изначальное распределение, несколько изменив данную иерархию.

Так, значимость профессионализма еще более выросла – он поднялся на первое место; семейные связи опередили дружеские; деньги уступили гражданской позиции (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, чтобы комфортно себя ощущать в обществе и пользоваться жизненным успехом, насколько важно для человека...»
(позиции ранжированы по значимости)

Варианты	Очень важно	Скорее важно	Скорее неважно	Совершенно неважно	Затрудняюсь ответить	Индекс
Быть профессионалом в своем деле	57,7	29,2	5,9	2,3	4,9	67,05
Соблюдать нормы права	51,3	38,0	4,8	1,6	4,3	66,3
Соблюдать нормы общественной морали	49,0	38,8	6,0	2,0	4,3	63,4
Пользоваться поддержкой семьи	54,3	29,6	6,9	3,8	5,3	60,85
Иметь хороших друзей	47,4	38,0	7,5	3,6	3,5	59,05
Помогать другим людям	32,3	44,0	13,2	4,2	6,3	43,5
Иметь и выражать свою гражданскую позицию	31,9	37,5	16,0	4,5	10,1	38,15
Иметь много денег	33,2	38,4	15,3	6,8	6,3	37,95
Быть оригинальным и неординарным, выделяться из окружения	23,6	30,8	22,7	11,9	11,1	15,75
Быть патриотом своей страны	22,0	28,9	23,3	15,0	10,8	9,8
Быть, как все в твоём окружении	10,4	17,5	29,6	35,9	6,6	-31,55

Условия для самореализации молодежи. Ведущие позиции нормативности поведения в части следования правовым и моральным нормам являются своего рода ритуальной констатацией, но и упрекать молодежь в лицемерии нет оснований. Это, скорее всего, отражение в сознании молодежи радикального перелома, совершившегося в массовом сознании и гражданской культуре россиян в 2000–2010-х гг. и символизировавшего

признание ошибочным опыта «лихих 90-х» со всеми плюсами и минусами практического воплощения концепций «либерализма», «прав человека» и «гражданского общества».

Семья (наряду с другими «сильными» связями) – это реально работающий институт российского общества, особенно для лиц с небольшим объемом человеческого и социального капитала. Уход в приватность для россиян является также важным социально-психологическим механизмом адаптации к социальной неопределенности и компенсации аутсайдерства.

Если предельно упростить нормативный образец, обеспечивающий достижение жизненного успеха в российском обществе в глазах молодежи, то он выглядит так: профессионал, максимально интегрированный в сетевые структуры, построенные на основе семейных и дружеских связей, обладающий развитой социальной эмпатией и гражданским чувством и демонстрирующий приверженность базовым социальным нормам. В принципе, этот нормативный образец достаточно хорошо сбалансирован в том отношении, что доминирующая в нем модель микрогрупповой идентичности в значительной мере уравнивается высокой значимостью контролирующих институций, действующих на макросоциальном уровне, а эффективность индивида легитимируется не только деловыми, но и социальными качествами. С другой стороны, прослеживается тенденция к отказу от любой интернализации внешних требований. Так, при высокой значимости соблюдения правовых норм, диктуемых государством, совсем необязательно быть патриотом, а во взаимодействии с ближайшим окружением неважны ни конформизм, ни неконформизм. То есть любая коллективная идентичность – это фактически ресурс или даже инструмент достижения жизненного успеха.

Не до конца решен и вопрос о том, в какой мере нормативный образец, социализационная норма обеспечивается структурными и институциональными условиями. Потому что одно дело – признать принципиально значимым тот или иной фактор жизненного успеха и другое – дать оценку его реальному воплощению в социальной практике. Для этого респондентам был предложен перечень потенциально значимых сфер самореализации молодежи с необходимостью оценки сформированности общественных условий для проявления соответствующей активности. Для построения иерархии сформированности условий самореализации молодежи вычислялся их индекс как разница между долями положительных и отрицательных ответов, а доля затруднившихся с ответом респондентов служила прямым индикатором компетентности и косвенным – интереса (меньше 15% – высокие, 16–30% – средние, более 30% – низкие).

В результате получилась следующая картина. Наиболее высокие оценки получила сформированность условий в таких сферах, как спорт и здоровый образ жизни; развлечения и досуг; творческое самовыражение; социально ориентированная деятельность, волонтерство. Во всех этих случаях зафиксирован средний уровень компетентности и интереса: выше всего – в спорте и ЗОЖ, ниже – в социально ориентированной деятельности.

Несколько хуже оцениваются условия для религиозной жизни, карьеры и профессионального развития. При этом падает уровень компетентности и интереса, особенно в религиозной сфере. Относительно профессиональной сферы последнее кажется странным при ее объективной значимости для молодежи в качестве источника доходов и, соответственно, жизненных благ. Низкую компетентность в оценках профессиональной и карьерной реализации нельзя списать и на большую долю в выборке неработающей молодежи, поскольку больше всего затруднившихся с ответом оказалось в самой старшей группе – 25–29 лет (30,8%).

Наиболее рациональное объяснение низкого уровня компетентности молодежи в оценках возможностей профессиональной, карьерной активности связано, по всей вероятности, не столько с отсутствием реального опыта профессионализации, сколько с невысоким уровнем интереса к личному профессиональному развитию, вытекающим из обозначенной выше низкой значимости реализации своих таланта и способностей. Профессиональная деятельность связывается молодежью, прежде всего, с зарабатыванием денег, а ее содержание вторично и для многих не представляет особого интереса. Объективной основой такого отношения к труду являются рутинизация и алгоритмизация рабочих функций, расширение в современной экономике спектра профессий, в которых элементы творчества минимизированы либо исключены полностью [Гаврилюк и др., 2020].

Возможно, невысокая компетентность и неготовность выйти за пределы личного опыта обусловлены меньшей медийной представленностью данной сферы молодежной политики по сравнению с широко рекламируемыми инициативами по развитию спортивной инфраструктуры, волонтерства, проведению творческих конкурсов и пр. Характерно также, что с возрастом растет критическое восприятие молодыми людьми условий для карьеры и профессионального развития: от 59,8% позитивных оценок среди респондентов 16–18 лет до 55,7% у респондентов 19–24 лет и 44,6% у респондентов 25–29 лет. Подобный рост с возрастом скепсиса в оценках возможностей молодежи фиксируется и всероссийскими исследованиями. Так, в ходе опроса ВЦИОМ (2022) 85% респондентов 18–24 лет в той или иной мере отметили, что в России у молодых людей сейчас есть возможность реализовать себя, найти применение своим способностям, добиться успеха в жизни (нет таких возможностей – 14%); но в группе 25–34 лет эту позицию высказали 73% (нет возможностей – 19%)¹.

Хуже всего оцениваются молодежью условия для коллективных действий по защите прав и свобод; свободы получения и распространения информации, выражения своего мнения по разным вопросам и особенно политической активности. При этом все данные сферы характеризуются низкой или близкой к таковой компетентностью оценок и, соответственно, интереса. Особенно это касается политики и коллективных правозащитных действий, в отношении которых более трети опрошенных не смогли проявить свою экспертную компетентность (и заинтересованность), что также является следствием, с одной стороны, прагматических ориентаций большинства молодежи, минимизирующих векторы личных усилий, не направленные на достижение жизненного успеха, и с другой – вполне очевидными институциональными барьерами, маркирующими любую несанкционированную свыше активность как неконвенциональную. Что касается свободы получения и распространения информации, выражения гражданской позиции, то здесь заинтересованность молодежи заметно выше, и субъективно осознаваемые препятствия в реализации соответствующих интенций не могут не вступать в противоречие с зафиксированной ранее важностью гражданской позиции для социального бытия человека (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, в современном российском обществе созданы условия для проявления молодыми людьми социальной активности в различных сферах или же этих условий нет?»
(в % от опрошенных, позиции ранжированы)

Варианты	Такие условия созданы	Таких условий нет	Затрудняюсь ответить	Индекс
В спорте и реализации здорового образа жизни	75,7	8,8	15,5	66,9
В развлечениях и досуге	72,0	10,3	17,7	61,7
В творческом самовыражении	64,3	13,9	21,8	50,4
В социально ориентированной деятельности, в организации помощи нуждающимся в ней людям	61,9	15,2	22,9	46,7
В религиозной жизни	48,5	12,8	38,7	35,7
В карьере, профессиональном развитии	52,0	19,8	28,2	32,2
В коллективных действиях по защите прав и свобод	36,6	26,2	37,2	10,4
В свободе получения и распространения информации, в выражении своего мнения по разным вопросам	40,5	30,3	29,2	10,2
В политической сфере	33,1	28,6	38,3	4,5

¹ Возможности для молодежи: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozmozhnosti-dlja-molodezhi-monitoring> (дата обращения: 12.12.2022).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, что лучше для молодого человека?» по возрасту (в % от опрошенных)

Варианты	16–18 лет	19–24 года	25–29 лет	Всего
Жить в своей стране	20,8	30,2	40,1	32,3
Путешествовать, учиться и работать за рубежом, периодически возвращаясь в Россию	51,1	44,8	33,5	41,5
Уехать из России навсегда	13,6	12,7	12,7	12,9
Затрудняюсь ответить	14,4	12,3	13,7	13,3

Примечание. Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,123, Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, что лучше для молодого человека?» по регионам (в % от опрошенных)

Варианты	Белгородская область	Краснодарский край	Севастополь	Всего
Жить в своей стране	34,5	28,5	33,8	32,3
Путешествовать, учиться и работать за рубежом, периодически возвращаясь в Россию	41,3	39,5	42,8	41,5
Уехать из России навсегда	16,0	13,0	8,5	12,9
Затрудняюсь ответить	8,3	19,0	14,9	13,3

При относительной благоприятности оценок условий для большинства видов социальной активности молодежи в российском обществе большей части респондентов они кажутся недостаточными для реализации жизненных целей. Исходя из этого, лишь треть (32,3%) участников исследования ограничивает нормативные жизненные перспективы молодежи пределами России. Основная часть выборочной совокупности (41,5%) ментально ориентирована на трансграничную мобильность, считая оптимальным вариантом для молодых людей путешествовать, учиться и работать за рубежом, периодически возвращаясь в Россию; 12,9% опрошенных видят для молодежи лучший вариант в безвозвратной эмиграции. С возрастом эти предпочтения заметно меняются в сторону постоянной жизни в своей стране, хотя эмиграционные настроения остаются приблизительно одинаково распространенными во всех возрастных группах молодежи (табл. 4).

В распределении по регионам присутствуют некоторые отличия, не влияющие на общий тренд, – доминирующее стремление молодежи к транснациональной мобильности с почти в такой же степени выраженной привязанностью к своей стране и периферийной установкой на безвозвратную эмиграцию. Следует отметить заметно меньшую долю севастопольцев, настроенных на безвозвратную эмиграцию (табл. 5). Объяснение этому коренится, вероятно, в недавнем транзите региона в состав России с рядом несомненных позитивных эффектов для социальной инфраструктуры и качества жизни в целом, а также в специфике данного субъекта, являющегося базой Черноморского флота, городом федерального значения с соответствующей идеологической составляющей.

Заключение. В результате соотнесения представлений молодежи трех регионов юго-запада и юга России о жизненных приоритетах, факторах достижения жизненного успеха и условиях самореализации формируется картина жизненного мира молодежи, в которой профессионализм и хорошее образование являются необходимыми для достижения жизненного успеха, но в иерархии жизненных целей они находятся на задворках. Для успеха в жизни важны законопослушание и соблюдение норм морали, но патриотизм как личное отношение к своей стране и своему народу в данном контексте нейтрален,

а польза, приносимая обществу, в качестве жизненного приоритета лежит на далекой периферии. Роль денег для достижения жизненного успеха второстепенна, но в иерархии жизненных целей занимает одно из ведущих мест. Друзья важны для достижения жизненных целей, но дружба как таковая в число жизненных приоритетов не входит. Конформизм применительно к ближайшему окружению, ординарность, скорее, мешают достижению успеха, но и оригинальность для этого особо не требуется. Реализация своих талантов и способностей как, казалось бы, важнейшая постматериальная ценность – выше карьеры, но гораздо ниже денег. Даже помощь людям и гражданская позиция, декларируемые молодыми людьми в качестве значимых факторов социальной адаптации и достижения жизненного успеха, видятся несколько искусственными в контексте жизненных приоритетов, сосредоточенных в приватной сфере. Разве что семья является ценностью и безусловной (как жизненная цель), и инструментальной, поскольку существенно облегчает социальную адаптацию и достижение успеха в жизни.

Основным противоречием в ценностной картине мира молодежи является то, что если жизненные цели формулируются в парадигме приватности и традиционализма, то средства их достижения рассматриваются в значительной мере через социальный конформизм и демонстрацию социальной ответственности.

Современная молодежная политика, направленная на поощрение социальной активности молодежи, за исключением узкополитической, правозащитной и информационной сфер, оценивается высоко (досуг, физическое и творческое развитие, волонтерство) либо относительно высоко (профессионально-трудовая сфера), но большая часть региональной молодежи в идеале выбрала бы космополитический образ жизни.

Новые условия, в которых оказалось российское общество с началом открытого геополитического конфликта с Западом, являются существенным вызовом и для социального самочувствия российской молодежи, и для российской молодежной политики. Так, высокий эмиграционный потенциал российской молодежи, особенно ее «верхней», наиболее квалифицированной когорты, уже частично реализовался в течение 2022 г. Не так просто адаптировать космополитические установки значительной части молодежи к нормативности и безальтернативности патриотического дискурса. Так же плохо с ним согласуются утилитарность, прагматизм, приватный характер жизненных целей российской молодежи. При этом надеяться на «перерастание» «поколением Z» своих ценностных противоречий, на естественный дрейф от индивидуализма и прагматизма к коллективизму и альтруизму и преодоление, таким образом, ценностного межпоколенческого конфликта вряд ли стоит ожидать, тем более что само российское общество явно находится на очередной исторической развилке с неоднозначным потенциалом социальной трансформации. Пути преодоления межпоколенческого конфликта видятся не только в создании условий самореализации молодежи и формировании так называемых «социальных лифтов», но и в уменьшении конфликтного потенциала общества в целом, в снижении социального, корпоративного эгоизма, в поиске оптимального соотношения личной свободы и частной инициативы, с одной стороны, и коллективными (цивилизационными, национальными, государственными) ценностями и интересами – с другой. Государственная молодежная политика при этом оказывается в непростых условиях, в которых инерционная (условно – либеральная) модель, ориентированная на самореализацию как базовую ценность и плюрализм, конкурирует с более жесткой парадигмой, предполагающей встраивание молодежи в систему государственных интересов и ускоренную идеологизацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилюк Т.В., Гаврилюк В.В., Бочаров В.Ю., Сотков О.Л. Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса. М.: Флинта, 2020.
- Горшков М.К., Шереги Ф.И. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодёжи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42–51.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодёжи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41.
- Мареева С.В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365–385. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.17.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции // Социологические исследования. 2020. № 6. Т. 46. С. 61–71.
- Тихонова Н.Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2018. № 4. С. 11–43.
- Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2018. С. 212–219.

Статья поступила: 16.01.23. Финальная версия: 17.04.23. Принята к публикации: 20.04.23.

LIFE GOALS OF YOUTH AND WAYS TO ACHIEVE THEM (a survey in the South-Western and Southern regions of Russia)

REUTOV E.V.*, REUTOVA M.N.*, SHAVYRINA I.V.**

* Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

** Russian State Social University, Moscow, Russia

Evgeniy V. REUTOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Belgorod National Research University, Belgorod, Russia (reutovevg@mail.ru); Marina N. REUTOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Belgorod National Research University, Belgorod, Russia (reutova@bsu.edu.ru); Irina V. SHAVYRINA, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Prof. of the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry of the Russian State Social University, Moscow, Russia (shavyrina_77@mail.ru).

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the project GZ no. FZVG-2023-0006.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the value orientations of the youth in the regions of the South Russia in the context of life goals, methods and conditions for their implementation. The hierarchy of young people's value priorities (life goals) is headed by family, health and material wealth. Self-realization is on the semi-periphery of the value hierarchy, service to society is on the periphery. At the same time, as factors of success in life, interpreted as instrumental values (means of achievement), social conformism (observance of the rule of law, adherence to moral standards), professionalism, good friends and family support come to the fore. Values associated with social responsibility (citizenship, helping others) are of medium importance in the hierarchy of life success factors (means of achieving life goals). The following contradiction has been fixed in the value picture of the young people world: if life goals are formulated in the paradigm of privacy and traditionalism, then the means of achieving them are considered to a large extent through social conformism and professionalization. The most rational way to regulate the imbalance in the conditions for the realization of life goals that has developed in Russian society, young people consider territorial, including cross-border mobility.

Keywords: youth, value orientations, value contradictions, life goals, life success, self-realization, privacy, conformity.

REFERENCES

- Gavrilyuk T.V., Gavrilyuk V.V., Bocharov V.Yu., Sotkov O.L. (2020) *Life strategies of the youth of the new working class*. Moscow: Flinta. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.I. (2020) *The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research*. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Zubok Yu.A. (2003) Problems of social development of youth in conditions of risk. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 42–51. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2020) Life Strategies of Youth: Realization of Expectations and Social Moods. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes]. No. 3: 13–41. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2018) Life chances of residents of capitals and provinces in the mass consciousness. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2018. No. 6: 365–385. (In Russ.)
- Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. (2020) Life success and the chances of achieving it in the views of residents of the Russian provinces. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 61–71. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Factors of success in life and social status in the minds of Russians. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 4: 11–43. (In Russ.)
- Yakovleva M.N. (2018) Dynamics of value orientations of modern youth. In: Toshchenko J.T. (ed.) *Meanings of life of the Russian intelligentsia*. Moscow: RGGU: 212–219. (In Russ.)

Received: 16.01.23. Final version: 17.04.23. Accepted: 20.04.23.